

В. А. Шкерин*

**«ЖЕРТВА ВЕЧЕРНЯЯ»:
КТО И ЗАЧЕМ СФАБРИКОВАЛ ДЕЛО ПЕТРАШЕВЦЕВ?**

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ I, встревоженный выступлением декабристов и масштабами раскрывшегося заговора, первые же шаги своего царствования направил на укрепление режима личной власти. Указом от 20 декабря 1825 г. Собственная его императорского величества канцелярия перешла в «непосредственное заведование» царя. Указом от 3 июля 1826 г. в ее составе было образовано знаменитое III отделение, главноуправляющим которого стал генерал-адъютант А. Х. Бенкендорф. Компетенция III отделения фактически не имела границ: в нее вошли предметы, «по всем вообще случаям высшей полиции», и сведения «о всех без исключения происшествиях»¹. Такая «всепричастность» встревожила руководство прочих государственных ведомств, прежде всего – Министерства внутренних дел. Уже 5 июля Совет министров пытался ограничить полномочия III отделения наблюдательными функциями, оставив полицию исполнительную в составе МВД². Николай I смотрел на вопрос иначе. В апреле 1827 г. он учредил Корпус жандармов с правами армии, назначив Бенкендорфа его командиром. Четкого разграничения «предметов занятий» между III отделением и МВД так и не последовало. Тем самым была заложена основа для конкуренции двух полицейских ведомств.

«Бенкендорф некоторым образом поставлен был надсмотрщиком над другими министрами», – констатировал Ф. Ф. Вигель³. Не без участия шефа жандармов в 1838 г. потерял пост министра внутренних дел Д. Н. Блудов⁴. Понятно, что и Лев Алексеевич Перовский, возглавивший МВД в 1841 г. предпочел бы иметь высшую полицию в своем подчинении, чем находиться в числе ее «поднадзорных». Тем паче, что в его биографии было участие в декабристских организациях – Военном обществе и Союзе благоденствия. Понимая это, Перовский, задумал создать эффективную сыскную полицию, успехи которой уронили бы III отделение в глазах монарха.

Лучшей в те годы считалась сыскная полиция Франции (Police de surete), создателем и первым руководителем которой был небезызвестный Э. Ф. Видок. Вор, убийца и каторжник в 1812 г. поступил на службу правительству во главе «бригады безопасности», набранной им из уголовников (многие из которых продолжали числиться в розыске)⁵. В период оккупации Франции союзными вой-

---

* Шкерин Владимир Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург).

¹ Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы. СПб., 1992. С. 56–57; Чукарев А. Г. Тайная полиция России: 1825–1855 гг. М., Жуковский, 2005. С. 125; Линдер И. Б., Чуркин С. А. Спецслужбы России за 1000 лет. М., 2006. С. 200–201.

² Оржиховский И. В. Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.). М., 1982. С. 24–25.

³ Вигель Ф. Ф. Записки: В 2 кн. М., 2003. Кн. 2. С. 210.

⁴ Сидорова М., Щербакова Е. Поднадзорные министры // Родина. Российский исторический журнал. 2003. № 9. С. 28–30.

⁵ Файкс Г. Большое ухо Парижа. М., 1981. С. 62–76.

сками, парижский префект обратился к русскому командованию за помощью в борьбе с якобинским и бонапартистским подпольем. Так рядом с Видоком оказался подполковник Липранди. Потомок испанских мавров Иван Петрович Липранди сочетал славу храбреца и бретера с репутацией интеллектуала. В начале 1820-х гг. он и его брат Павел фактически состояли членами декабристского союза⁶. В 1822 г. Иван Липранди вышел в отставку, намереваясь примкнуть к греческим повстанцам или к армии Боливару. Не получив заграничного паспорта, вернулся в армию осенью 1825 г. По делу декабристов подвергся аресту, но был оправдан. На русско-турецкой войне 1828–1829 гг. вновь пригодился как разведчик и партизан. В 1832 г. генерал-майор Липранди вторично вышел в отставку, а в начале 1840-х гг. был причислен к МВД⁷.

Барон М. А. Корф писал о новой структуре, созданной в недрах МВД: «Надобно, впрочем, прибавить, что Перовский действовал... не через обыкновенную городскую полицию, которую он терпеть не мог и всячески преследовал, а через свою контрполицию, составленную им, неофициально и негласно, из разных чиновников особых поручений и мелких послужников, между которыми он успел... найти много людей честных и дельных»⁸. Непосредственным руководителем «контрполиции» стал Липранди, которого даже не симпатизировавшие ему современники величали «гениальным сыщиком»⁹. К работе этого оригинального учреждения был привлечен и будущий составитель «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даль. Его сослуживец А. В. Головнин вспоминал: «Даль составлял в то время небольшой словарь особого условного языка... мошенников, которых народ называл вообще “мазуриками”»¹⁰.

Первые дела, расследованные «русской Сюртэ», носили сугубо уголовный характер. Успешная борьба «контрполиции» с уголовниками заслужила «благодарность публики». Жандармский политический сыск ту же «публику» пугал, ибо мог коснуться каждого. Но Перовский понимал, что путь к возвышению его министерства лежит через успех именно политического сыска. Отсутствие четкого разделения полномочий, игравшее на руку III отделению, должно было обречь его во вред.

В 1848 г. Европу охватила революция. Николай I решил, что пробил час исполнения его великой миссии: не пустить политическую смуту в Россию. Профессор А. В. Никитенко вспоминал: «Ужас овладел всеми мыслящими и пишущими. Тайные доносы и шпионство еще более усложняли дело. Стали опасаться за каждый день свой, думая, что он может оказаться последним в кругу родных и друзей... Западные происшествия, западные идеи о лучшем порядке вещей признаются за повод не думать ни о каком улучшении. <...> Возник было вопрос об освобождении крестьян. Господа испугались и воспользовались теперь случаем, чтобы объявить всякое движение в этом направлении пагубным для государства»¹¹. Между тем, Перовский, подавший на высочайшее имя в 1844–1847 гг. ряд

⁶ Волконский С. Г. Записки. Иркутск, 1991. С. 299; Эйдельман Н. Я. Пушкин и декабристы. М., 1979. С. 21–26.

⁷ Декабристы: Биографический справочник. М., 1988. С. 102; Эйдельман Н. Я. Обреченный отряд. М., 1987. С. 377–380; Он же. Из потаенной истории России XVIII–XIX веков. М., 1993. С. 446–450.

⁸ Корф М. А. Записки. М., 2003. С. 215.

⁹ Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1989. С. 510.

¹⁰ Громов В. А. Тургенев в «Записках» А. В. Головнина // Тургеневский сборник. Л., 1967. Вып. III. С. 218.

¹¹ Никитенко А. В. Записки и дневник. М., 2005. Т. 1. С. 508, 512.

записок по крестьянскому вопросу, в том числе и «Об уничтожении крепостного состояния в России», заслужил репутацию лидера либеральной бюрократии¹². Весьма некстати было теперь и декабристское прошлое министра.

Главная опасность грозила со стороны III отделения. Однако при известной лени графа А. Ф. Орлова (ставшего шефом жандармов после кончины Бенкендорфа в 1844 г.), у Перовского появился шанс сыграть на опережение. Все сходилось на необходимости самому открыть тайное общество. Структура, пригодная для выполнения деликатной миссии уже имелась – «контрполиция». Был и человек, прошедший школу Видока и идеально подходивший для этой операции, – Липранди. Помимо опыта, познаний и острого ума у него, как и у его начальника, имелась потребность отмежеваться от декабристского прошлого.

Соперничество двух полицейских ведомств создало питательную среду, в которой дело петрашевцев разбухло до несвойственных ему размеров.

Петрашевец В. А. Энгельсон так описал дальнейшие события: «...в августе 1848 г. министр внутренних дел получил уведомление о поведении Петрашевского. Он поселил одного шпиона в качестве торговца табаком в доме Петрашевского, чтобы войти в доверие его прислуги, а другого, по фамилии Антонелли... обязали сообщать министерству о заседаниях общества. Счастливый своим открытием, Перовский докладывает о нем государю, но, может быть, вы думаете, что он шепнул об этом и своему коллеге по тайной полиции, графу Орлову? Боже сохрани! Он потерял бы тогда отличный случай доказать царю, что тайная полиция состоит из ничтожеств. Перовский хочет оставить себе одному честь спасения отечества. Поэтому гр[аф] Орлов в течение шести месяцев не знает об этом большом деле; Перовский потирает себе руки и ухмыляется. К сожалению, он не может велеть государю хранить тайну: в минуту гнева государь, прежде чем его птицелов успел протянуть все силки, сказал графу Орлову, что у его ищеек нет нюха, что это – сопливые собаки. Оскорбленный в своем самолюбии, граф Орлов собирает сведения и докладывает царю, что министр внутренних дел, чтобы возвысить себя, наговорил его величеству всякого вздора, что дело это совсем не так значительно, как его описывают, что не надо разукрашивать его... и, приняв некоторые патриархальные меры против главных вождей, можно прекратить дело без шума и скандала»¹³.

И петрашевец Ф. Н. Львов утверждал в рукописи, отредактированной самим М. В. Петрашевским: «Зная честолюбие Перовского, он (Липранди – В. III.) внушал ему, что вся полиция, как тайная, так и явная, должна быть сосредоточена у него в руках, что III отделение ничего не делает, что оно даже не следит за революционными собраниями, известными всему Петербургу, что он берется устроить все дело таким образом, что государь увидит ревность министра внутренних дел к охранению государства от внутренних и опасных врагов и недейтельность жандармов. Конечно, Перовский согласился»¹⁴. О том же писал и П. А. Кузьмин: «Диверсия эта удалась как нельзя лучше...» и т.д.¹⁵

Петрашевцы едины во мнении, что их кружки не переросли в тайное общество, поскольку не имели ни цели, ни программы, а их посетители не были свя-

¹² Оксман Ю. Г. И.С. Тургенев на службе в министерстве внутренних дел // Ученые записки Саратовского университета. Вып. филологический. Т. 56. 1957. С. 175–176.

¹³ Энгельсон В. Петрашевский // Первые русские социалисты: Воспоминания участников кружков петрашевцев в Петербурге. Л., 1984. С. 69–70.

¹⁴ Львов Ф. Н., Буташевич-Петрашевский М. В. Записка о деле петрашевцев // Там же. С. 49.

¹⁵ Кузьмин П. А. Из записок // Там же. С. 317.

заны обязательствами¹⁶. Так, Д. Д. Ахшарумов вспоминал: «...у нас не было никакого организованного общества, никаких общих планов действия, но раз в неделю у Петрашевского были собрания, на которых вовсе не бывали постоянно все одни и те же люди; иные бывали часто на этих вечерах, другие приходили редко, и всегда можно было видеть новых людей. Это был интересный калейдоскоп разнообразнейших мнений о современных событиях, распоряжениях правительства, о произведениях новейшей литературы по различным отраслям знания; приносились городские новости, говорилось громко обо всем, без всякого стеснения»¹⁷. Барон М. А. Корф, отнюдь не сочувствовавший петрашевцам, также отмечал в «Записках»: «Покушений или приготовления к бунту в настоящем с достоверностью открыто не было, и все представляло более вид безумия, нежели преступления. <...> Члены (Следственной комиссии – В. III.) называли это дело заговором идей, чем и объясняли трудность дальнейших раскрытий: ибо, если можно обнаружить факты, то, как же уличить в мыслях, когда они не осуществились еще никаким проявлением, никаким переходом в действие?»¹⁸.

Автором противоположной версии выступил И. П. Липранди. Обеспокоенный тем, что Следственная комиссия не придавала, как ему казалось, должного значения открытому заговору, он подал 17 августа 1849 г. на имя ее председателя генерал-адъютанта И. А. Набокова собственное «Мнение». Сравнивая петрашевцев с декабристами, Липранди находил, что новые заговорщики опаснее прежних: «Обыкновенные заговоры бывают большею частию из людей однородных, более или менее близких между собою по общественному положению. Например, в заговоре 1825 года участвовали исключительно дворяне и притом преимущественно военные. Тут же, напротив, с гвардейскими офицерами и с чиновниками министерства иностранных дел рядом находятся не кончившие курс студенты, мелкие художники, купцы, мещане, даже лавочники, торгующие табаком. Очевидно казалось мне, что сеть была заткана такая, которая должна была захватить все народонаселение и, следовательно, чтоб действовать не на одном месте, а повсюду»¹⁹.

Парадокс советской историографии заключался в том, что в стремлении доказать революционность петрашевцев, исследователи более доверяли Перовскому и Липранди, чем Петрашевскому с его кружковцами. Признавая отсутствие тайного общества, они настаивали на том, что «дальнейшая деятельность кружков петрашевцев привела бы к созданию тайного революционного общества революционно-демократического типа»²⁰. История же, как известно, сослагательного наклонения не ведает. Правда, без указания на сопротивление полицейских ведомств не обходилась ни одна отечественная работа, посвященная петрашев-

¹⁶ Львов Ф. Н., Бутаевич-Петрашевский М. В. Указ. соч. С. 46–48; Семенов-Тянь-Шанский П. П. Мемуары // Первые русские социалисты. С. 88, 94–96; Энгельсон В. А. Указ. соч. С. 64–65.

¹⁷ Ахшарумов Д. Д. Из моих воспоминаний // Первые русские социалисты. С. 179.

¹⁸ Корф М. А. Указ. соч. С. 498.

¹⁹ Липранди И. П. Отрывок из мнения действительного статского советника Липранди. В высочайше утвержденную комиссию о злоумышленниках под председательством генерал-адъютанта Набокова. 17 августа 1849 года // Полярная звезда. М., 1968. Кн. 7. Вып. 1. С. 30.

²⁰ Федосов И. А. Революционное движение в России во второй четверти XIX в. М., 1958. С. 329.

цам²¹. Но общая оценка феномена петрашевцев начала меняться только в 1990-е гг. Так, Ф. М. Лурье пишет: «Именно в результате соперничества между III отделением и полицией родилось самое серьезное после восстания декабристов политическое дело николаевского царствования – дело петрашевцев. Оно являет собой классический пример запланированной политической провокации, впервые примененной при производстве политического сыска в России»²². Так же и И. Л. Волгин отмечает: «О желательности тайного общества велись разговоры, но они кончились ничем. Поэтому для того, чтобы предать петрашевцев суду, необходимо было раздуть дело. <...> Судьба отдельных людей оказалась в прямой зависимости от взаимоотношений отдельных частей государственного механизма»²³.

«О “пятницах” Петрашевского знал весь город, но знал так, что о них говорили, не иначе как смеясь», – вспоминал К. С. Веселовский²⁴. По сути, это были обычные журфиксы. Разговоры о политике и чтение запрещенных книг на таких встречах, конечно, властями не приветствовалось, но не было чем-то из ряда вон выходящим. Обнаружить подобные сборища Перовский мог даже в стенах МВД. «Четверги» проводил у себя Даль, живший на втором этаже министерского здания (квартира Перовского располагалась на четвертом). «Даль, первый любимец министра и доверенное его лицо», – сообщал в III отделение Ф. В. Булгарин²⁵. К Далю на «четверги» собирались представители научной и творческой интеллигенции. На одном из «четвергов» 1845 г. родилась идея создания Русского Географического общества²⁶, членами которого стали не менее десяти петрашевцев²⁷.

Дальнейшее известно в пересказе П. И. Мельникова (А. Печерского), информатором которого выступил сам В. И. Даль: «В 1848 году граф Перовский, находившийся тогда в сильной борьбе с графами Орловым и Нессельроде (шефом жандармов и канцлером – В. III.), сказал однажды Далю: “До меня дошли слухи, которые могут быть истолкованы в дурную сторону... Что у вас за собрания по четвергам и какие записки вы пишете?”». Вопрос был скорее риторическим, поскольку «четверги» не были тайной, а с записками Перовский был не только знаком, но и предоставлял для их составления информацию. Но теперь министр изрек: «Надо быть осторожнее», и Даль тотчас сжег дневники и записки в камине, а «четверги» прекратил²⁸. «Попадись тогда мои записки в недобрые руки, их непременно сделали бы пунктом обвинения Льва Алексеевича», – признавался Даль Мельникову²⁹.

²¹ Бельчиков Н. Ф. Достоевский в процессе петрашевцев. М., 1971. С. 220; Оржиховский И. В. Указ. соч. С. 220; Возный А. Ф. Петрашевский и царская тайная полиция. Киев, 1985. С. 48–50; Егоров Б. Ф. Петрашевцы. Л., 1988. С. 107–108, 110 и др.

²² Лурье Ф. М. Полицейские... С. 65; *Он же*. Политический сыск в России: 1649–1917 гг. М., 2006. С. 64.

²³ Волгин И. Л. Колеблясь над бездной: Достоевский и русский императорский дом. М., 1998. С. 143; *Он же*. Пропавший заговор: Достоевский и политический процесс 1849 года. М., 2000. С. 334.

²⁴ Лейкина-Свирская В. Р. Петрашевцы. М., 1965. С. 35.

²⁵ Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. М., 1998. С. 492.

²⁶ Бессараб М. Я. Владимир Даль. М., 1972. С. 124–126.

²⁷ Вальская Б. А. Петрашевцы в Русском географическом обществе // Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Л., 1977. Т. 104. С. 54.

²⁸ Прянишников Н. Е. Писатели-классики в Оренбургском крае. Челябинск, 1977. С. 68; Егоров Б. Ф. Петрашевцы. С. 117.

²⁹ Порудоминский В. И. Даль. М., 1971. С. 279–280.

В одно время с «четвергами» Даля прекратились «субботы» Н. И. Надеждина, уже пострадавшего в 1836 г. за публикацию чаадаевского «Философического письма», а в 1843 г. принятого Перовским на должность редактора министерского журнала. Надеждину об опасности политических бесед в квартире, «коей окошки не много выше пояса», намекнул Липранди. Собственные «пятницы» Липранди не только не отменил, но и добавил к ним еще два приемных дня в неделю: стал жить «открытым домом», как тогда говорили. Причина или хотя бы отговорка нашлась веская: он не просто развлекал разговорами молодежь, но подбирал кандидатуру для слежки за петрашевцами³⁰.

Почему же именно М. В. Петрашевский был избран, по словам Ф. Н. Львова, «козлом отпущения – жертвою вечернею за грехи русского народа». «Понятно, почему Липранди избрал преимущественно Петрашевского предметом своей нежной заботливости: Петрашевский был лично ненавистен Николаю Павловичу и Перовскому», – утверждал Львов. Петрашевский фразу поправил: «Петрашевский мог быть неприятен Николаю Павловичу и лично ненавистен Перовскому»³¹. На выборах в Петербургскую городскую думу в марте 1848 г. Петрашевский вступил в борьбу за место секретаря с креатурой Перовского и довел дело до разбирательства в Сенате. Он также распространил свою литографическую записку «О способах увеличения ценности дворянских или населенных имений». Высказанные в ней идеи по ограничению крепостного права и административного произвола были созвучны предложениям Перовского, но бесцензурное распространение записки фактически приравнивало ее к прокламации.

На 23–26 апреля 1849 г. было намечено вступление русской армии на территорию австрийской Галиции для борьбы с революционерами. В этой ситуации Николай I не хотел оставлять у себя в тылу отечественных заговорщиков. Вечером 20 апреля И. П. Липранди был вызван к графу А. Ф. Орлову, где узнал высочайшую волю «о прекращении... дальнейшего ведения дела и о передаче его в III отделение». 21 апреля Орлов получил монаршее указание «приступить к арестованию» петрашевцев, что и было исполнено в ночь с 22 на 23 апреля. Перовский «переиграл» Орлова: заговор разоблачила «контрполиция», жандармерию привлекли лишь к арестам. Собственно III отделение осталось не у дел. «С момента своего создания в 1826 году и вплоть до процесса 1849 года III отделение не раскрыло ни одного крупного политического преступления, – отмечает И. Л. Волгин. – А то, которое, наконец, обнаружилось, было раскрыто не им»³². Вскоре монарх, по словам В. А. Энгельсона, раскаялся, что «не последовал совету Перовского “дать заговору созреть и расшириться, чтобы можно было одним ударом вырвать все плевелы из русской земли”». Перовский торжествует: не удастся доказать, что он преувеличил опасность, а если следы заговора потеряны, то в этом виноват не он»³³.

24 апреля в Петропавловской крепости, где содержались арестованные, собралась Следственная комиссия. Липранди, как уже писалось выше, пытался повлиять на ее выводы подачей своего «Мнения». Однако во всеподданнейшем докладе от 17 сентября комиссия заявила: «...рассуждения Липранди основаны на тех предположениях, которые он извлекал из донесений агентов, но по самом тщательном исследовании, имеют ли связь между собою лица разных сословий, которые в первоначальной записке представлены как бы членами существующе-

³⁰ *Возный А. Ф.* Указ. соч. С. 58.

³¹ Там же. С. 49.

³² *Волгин И. Л.* Пропавший заговор. С. 43.

³³ *Энгельсон В.* Указ. соч. С. 70, 71.

го тайного общества, комиссия не нашла к тому ни доказательств, ни даже достоверных улик... Комиссия, когда имела только в виду одни донесения агентов, была вместе с Липранди убеждена в существовании подобного общества и сблизилась в заключении с теми предположениями, которые выведены ныне Липранди, но она должна была уступить силе доказательств... и потому всеобъемлющего плана общего движения, переворота и разрушения, не нарушив своих обязанностей в настоящем деле, признать она не могла»³⁴.

На исходе сентября дело петрашевцев было передано в специально созданную Военно-судную комиссию под председательством генерал-адъютанта В. А. Перовского – родного брата министра внутренних дел. Поначалу среди подследственных распространились слухи об умении Перовских «устраивать свои дела». Затем вдруг заговорили о том, что комиссия решила освободить их «по недостатку доказательств» или, в крайнем случае, отправить солдатами на Кавказ или в Сибирь на поселение. «Таково было, по-видимому, и намерение судной комиссии под председательством генерала Перовского (брата министра внутренних дел), – писал Энгельсон. – Но государь, узнав об этом, пришел в ярость: “Если суд будет столь милостив, то мне останется действительно, пользуясь правом помилования, совершенно простить преступников!”»³⁵. Ради царского гнева и в надежде на царскую милость комиссия В. А. Перовского осудила 15 человек на смертную казнь, 5 – на каторгу, 1 – на поселение, 2 освободила. Но Николай I направил приговор на утверждение не в Сенат, а в высший военный суд – генерал-аудиториат. В итоге из 23 обвиняемых расстрела избежали лишь двое. Николай I повелел совершить «обряд смертной казни», объявив о замене ее иными наказаниями лишь в последний момент.

Незадолго до передачи дела петрашевцев из МВД в III отделение Николай возвел Л. А. Перовского в графское достоинство. По мнению Энгельсона, так министр был награжден за раскрытие «заговора» и утешен за изъятие дела из его компетенции³⁶. Но далеко не все современники признавали связь между этими событиями. Один из мемуаристов отмечал, что «из списка министров сороковых годов видно, что все они носили, по меньшей мере, графский титул; у кого его не было, тот его скоро получал просто как очередную награду между двумя звездами; по крайней мере, таким образом получили графство Вронченко, Перовский, Клейнмихель...»³⁷. Так или иначе, но интерес новоиспеченного графа Перовского к раздуванию политических дел заметно спал: для того, чтобы обезопасить себя достаточно было и одного «заговора». В 1849 г. он, например, пресек попытку московского генерал-губернатора А. А. Закревского вынести промышленные предприятия за пределы города под предлогом политической неблагонадежности рабочих³⁸. Липранди же, по словам Энгельсона, «досталась в награду только тысяча рублей», отчего он «тяжко заболел; поднявшись же с одра болезни, пришел в канцелярию министерства внутр[енних] дел и грозил скоро представить новые и еще более неопровержимые доказательства слепоты агентов графа Орлова»³⁹.

³⁴ Бельчиков Н. Ф. Указ. соч. С. 222; Лурье Ф. М. Полицейские... С. 69–70.

³⁵ Энгельсон В. Указ. соч. С. 73.

³⁶ Там же. С. 76.

³⁷ Из записок и воспоминаний современника // Эпоха Николая I в воспоминаниях и свидетельствах его современников. М., 2001. С. 38.

³⁸ Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. М., 1981. С. 101–102.

³⁹ Энгельсон В. Указ. соч. С. 76.

Но после ухода Перовского с поста главы МВД в 1852 г., Липранди был подведен под «сокращение штатов»⁴⁰.

Дело петрашевцев продлило срок министерства Л. А. Перовского – и только. С 1848 г. начался отсчет последнего и самого мрачного периода правления Николая I. О новых либеральных инициативах более не было и речи. Могущество III отделение и жандармского корпуса лишь возросло.

---

⁴⁰ *Возный А. Ф.* Указ. соч. С. 123–125. *Эйдельман Н. Я.* Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966. С. 213.